

КРОКОДИЛ

№ 3 МОСКВА, ЯНВАРЬ 1935
ИЗД. ГАЗ. „ПРАВДА“

К 556
14

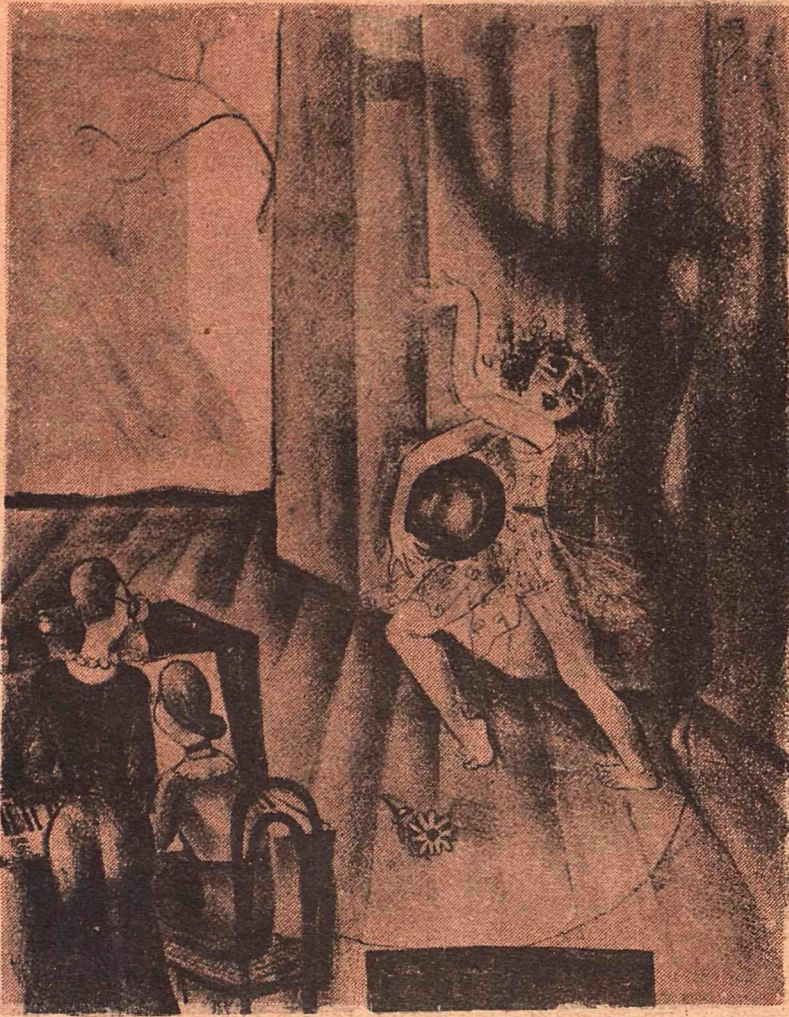

КРАСНАЯ АРМИЯ
И ТАБЛИЦА ЕЕ
НЕКОТОРЫХ УСПЕХОВ

Рис. М. Черемных

НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОМ ВЕЧЕРЕ

Рис. английской художницы Пирль Байндер

— Побольше обреченности, мисс Квикли. Не забудьте, что вы танцуете перед безработными.

ИСТИНЫ ПАТРИКА БЕЙЛИ И ГАЗЕТА „ТАЙМС“

Достойный отец Патрик Бейли получил от епископа задание прочитать безработным лекцию на тему: о пользе книги. В качестве подсобного материала рекомендовалась статья «Таймс», озаглавленная — «Книги для безработных».

Отец Патрик, пастырь достойный и аккуратный, составил небольшой план лекции, отчеркнул некоторые места в газете и пошел в школу, где было назначено собрание безработных.

— Дорогие братья, — начал отец Патрик. — Все вы — безработные. Главное занятие безработных это, как известно, безделье. А безделье рождает скуку. Вы, наверно, скучаете. Так вы запомнили мою первую истину. (Идет к доске и пишет: «Истина первая — «Безделье рождает скуку»).

Голос из публики: — А ты, отец, дал бы нам работу. Вот и скуке конец.

Отец Патрик: — Я ждал этой реплики. Я знаю, что среди вас есть такие чудачки, которые думают, что безработным дадут работу. Это нездоровое явление отмечено даже в печати. Вот что пишет «Таймс» по этому поводу: «Большинство безработ-

ных серьезно занимается лишь одним: поисками работы». Конечно это неблагоприятно. Вы сами понимаете, что поиски работы в наше время — праздное занятие. А праздность, как известно, мать всех пороков. (Идет к доске и пишет: «Истина вторая — «Праздность — мать всех пороков»).

Вот мы и решили найти вам... не беспокойтесь, не работу, нет, нет, а достойное занятие. Читайте книги! Но не всякие, конечно. Всякие там брошюры на социальные темы — это ни к чему. Книги надо читать серьезные и с выбором. Вот что пишет «Таймс» по этому поводу: «Необходимо внести больше руководства в чтение, на которое тратится вынужденный досуг безработных».

Польза от чтения очень велика. Во-первых, будете больше сидеть — меньше захочется кушать, во-вторых, не будете толкаться на бирже труда, у ворот предприятий, у заводов, не будете ходить на собрания и, вообще, будете меньше ходить, а это сохраняет обувь. Кроме того, чтение книг отвлекает от неприятных мыслей, от нехороших мыслей.

Вы хотите сказать, что многим негде читать книги? А мы принимаем меры. Вот «Таймс» пишет по этому поводу, что в Ливерпуле производили опыт: читальня была открыта с 9 часов утра до 9 час. 30 мин. вечера. Что? Мало одной читальни на два миллиона безработных? Что? Мало книг? А мы организуем пожертвования, выпустили даже специальное воззвание. Вот что пишет «Таймс» по этому поводу: «Один из пунктов воззвания подчеркивает, что жертвуемые книги должны быть пригодны для чтения. Тем не менее, многие из жертвователей воспользовались случаем, чтобы отвести свои полки от старых школьных учебников, календарей...» Виноват, я не то вам читаю. Вот: «Около десяти тысяч книг уже распределены таким путем».

Пожалуйста, не думайте, однако, что книгу можно присвоить или продать. На каждой есть наклейка, что она пожертвована в фонд, и т. д.

Итак, дети мои, читайте книги, которые мы вам укажем, не теряйте напрасно золотое время. Помните, что не единым хлебом жив человек. (Подходит к доске и пишет: «Истина третья — «Не единым хлебом жив человек»).

Я надеюсь, дети мои, что мой голос будет услышан, а мой три истины поняты...

Голос из публики: — Сотри свои три истины и напиши четвертую: «Соловья баснями не кормят».

Отец Патрик машинально подходит к доске и пишет, повторяя вслух: «Соловья баснями не кормят». Гм! Гм! К этой реплике я не подготовился. И в «Таймсе» по этому поводу ничего нет.

Дж. ГОЛЬДХИЛЛ

ПИЛЮЛИ

Между взлетами человеческого гения всегда следовал известный интервал, чтобы человечество на досуге могло подготовиться к новому пороку и к новой Америке.

И вот теперь, когда мы уже похлопываем по плечу радий, отослали для мелких услуг на кухню электричество и готовимся покрикивать на раздробленный атом, на безоблачном небе науки и техники появилось очередное величайшее изобретение.

Пилюли от коммунизма.

Английские газеты, принесшие эту весть на белоснежных крыльях своих страниц, несколько испачканных печальными экономическими итогами за 1934 год, указывают только, что родина этого изобретения — Япония и что взлелеяно оно светлыми умами из полиции нравов.

Больше ничего не указано. Ни способа применения пилюль, ни их химического анализа, ни даже расценок для розничной продажи. Воспаленному воображению заинтересованных лиц предоставлено самому дополнить эти мелкие детали.

Идя указанным лицам на помощь, даем здесь предположительную и конкретную картину использования пилюль.

— Крестьянин Аяма? Вы подозреваете в том, что во время обеда говорили соседям обидные слова о полиции... Признаетесь?

— Не было.

— Чего не было?

— Соседи были. Слова были. Полиция была. Обед не было. В нашей деревне, да прославится имя ее под солнцем, уже полтора года как нет обедов.

— А чем закусываете?

— Чем Будда пошлет.

— А что он вам посылает?

— Жандармов по праздникам он нам посылает, сын луны. — Врешь. Это не Будда, а я посылаю. Не путай ближайшего начальства. У тебя определенно опасные мысли. Принимай пилюли. Возьми горсточку рису, засунь в нее пилюлю и глотай. Будешь?

— Не могу, дядя Млечного пути.

— Что у тебя горла, что ли, нет?

— Горло есть. Рису нет.

— Не груби местным властям. Почему это у меня рис есть, у господина губернатора есть, а у тебя нет? Кто тебя сагитировал на отсутствие риса? Не хочешь признаться? Принимай на моих глазах пилюли.

— Одну минуту, отец созвездия. Принял.

— Что чувствуешь?

— Маловато, племянник планеты. С одной сыт не будешь. Хоть бы коробок пять. Все-таки питательное.

— Не дам. Кто тебя сагитировал об'едать государство на пилюлях? Признавайся. Ты еще, может, у меня толстеть вздумал? Плати за пилюлю.

— Нет денег, дедушка зари.

— Врешь. Пилюли глотать можешь, а платить не хочешь? Кто тебя сагитировал на неуплату? Признавайся. Не хочешь? Ямамото, отведи его в тюрьму. Пусть сидит, пока пилюля не подействует. Ответ?

— Отвел, господин майор.

— Ну, вот видишь, Ямамото, какие чудесные пилюли. Всего одна пилюля, — и от какого опасного человека отделались.

Может быть, все это и не так. Не настаиваем. Но, кажется, все же мы близки к действительности.

Я. РЕБЯТКИН

ЯЗЫК ГЕРОЕВ

Наполеон Буонапарте, в сером походном сюртуке и треугольной шляпе, скрестив руки на груди, обозревал поле сражения. К нему подскакал адъютант с донесениями. Юный офицер был очень бледен.

— Вы ранены, господин офицер?

— Пardon, ваше величество, я — мертвый, — ответил юный адъютант (он был действительно тяжело ранен), отдал Наполеону пакет и помер, не сходя со своей кобылки.

Не верю я в этого адъютанта! Не говорят люди так красиво, совершая подвиги. Красивую фразу вложил в уста наполеоновского адъютанта дошлый историк-анекдотист, поклонник муз и граций. В жизни же все было, думается нам, проще и суровее. Может быть, этот адъютант вовсе не ответил на ехидный вопрос Наполеона — не успел, а может, только икнул, — перед смертью люди частенько икают.

Наша страна не может пожаловаться на нехватку героев. Героизм в наше время проявляют люди самых разнообразных профессий, возрастов, привычек и в самых разнообразных областях советской жизни. Такая уж у нас замечательная эпоха!

Но что говорят наши герои, совершая подвиги? Как рассказывают своим друзьям, знакомым, родственникам и любимым де-зущкам про свое геройство?

Некоторые поклонники муз и граций, ревящиеся в отечественной литературе под присмотром благодушных редакционных нянек, утверждают, что наши герои объясняются языком наполеоновского адъютанта. Они, герои, совершая подвиги, якобы, произносят ужасно красивые фразы, принимая при этом скульптурно-монументальные позы. Какая чепуха! Какая вредная и глупая чепуха!

Позвольте автору в меру его сил опровергнуть сих вралей правдивым рассказом о подвиге Васи Н. — активиста заводской ячейки Осоавиахима.

... На высоте шестисот пятидесяти метров Вася Н. вылез на крыло самолета, заглянул в голубую холодную бездну, зажмурился и сиганул вниз, рванув к себе теплое кольцо парашюта. Через несколько минут Вася должен был эффектно приземлиться, отдать кольцо инструктору, взять под руку Леночку и итти купаться.

Но, повидимому, Вася рванул кольцо раньше, чем нужно. Падая, он зацепился полураскрывшимся парашютом за выступ фюзеляжа и повис на хвосте самолета, летевшего со скоростью ста восьмидесяти километров в час. Произошел редчайший в истории парашютизма несчастный случай.

Люди внизу замерли, наблюдая сумасшедший полет человека на буксире у самолета. Пожилой военный из Москвы, седоусый, с молодыми глазами, что-то сказал коменданту аэродрома. Через пять минут в воздух поднялся самолет и полетел Васе на помощь. Но как он мог ему помочь?

Пятнадцать минут Вася Н. летал, повиснув на хвосте самолета. Пятнадцать минут летчик, то убыстряя, то снижая скорость полета, пытался, как назойливую муху, стряхнуть Васю с фюзеляжа, зная, что у восемнадцатилетней «мухи» имеется запасный парашют. Но добрая ткань только трещала, а не рвалась. Итти на посадку летчик не мог: это значило бы, что Васе Н. не пришлось бы купаться ни сегодня ни завтра, — никогда.

Потом люди внизу увидели, как летчик выбросил Васю какую-то веревку. Держась за нее, парашютист вскарабкался на крыло самолета. Чутьочку отдышавшись, через пять минут Вася Н. снова сиганул головой вниз в голубую бездну.

Эффектно приземлившись, Вася с великим смущением сказал подбежавшим к нему людям:

— Налетался, прямо мутит! Кабы у меня с собой был ножик перочинный, я бы сразу освободился. А без ножа плохо. И пошел купаться.

На следующий день Васю Н. вызвал к себе московский военный. Вася, в кепочке и премиальном пиджачке сиреневого цвета, слегка оробел, когда очутился в большом, строгом кабинете с человеком, имя которого знает вся страна.

— Ну, герой, — сказал седоусый военный, — рассказывай.

— Виноват, товарищ командующий, — пропентал он, — поторопился с кольцом. Сам не знаю, как получилось. Десять литров, шутка сказать!

— Какие литры? Ничего не понимаю!

— Горючего десять литров Карл Карлович лишних истратил, когда со мной летал. Он меня теперь ругает, товарищ командующий, сил нет. Совсем засрамил. А разве я сам не понимаю?

— Эх ты! — с отцовской нежностью в голосе сказал седоусый и вдруг погладил Васю по розовой мальчишеской щеке. Расскажи мне, как ты сознание не потерял там, наверху, когда повис? Испугался, поди, здорово?

— Я сначала испугался, товарищ командующий. Вижу, — вижу, а потом стал думать, как освободиться. Эх, думаю, ножичек бы перочинный сюда.

... Вася Н. сейчас учится в Московской авиационной школе и идет в первой пятерке будущих Каманиных. Он очень не любит, когда ему напоминают о его полете на буксире у самолета.

— Нечего зубы скалить, — говорит он, сердая, — дернул кольцо на две секунды раньше, только и всего. По молодости лет заслуживаю снисхождения. Нечего, нечего зубы скалить!

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ЖЕРТВЫ ВРЕМЕНИ

Рис. М. Храпковского

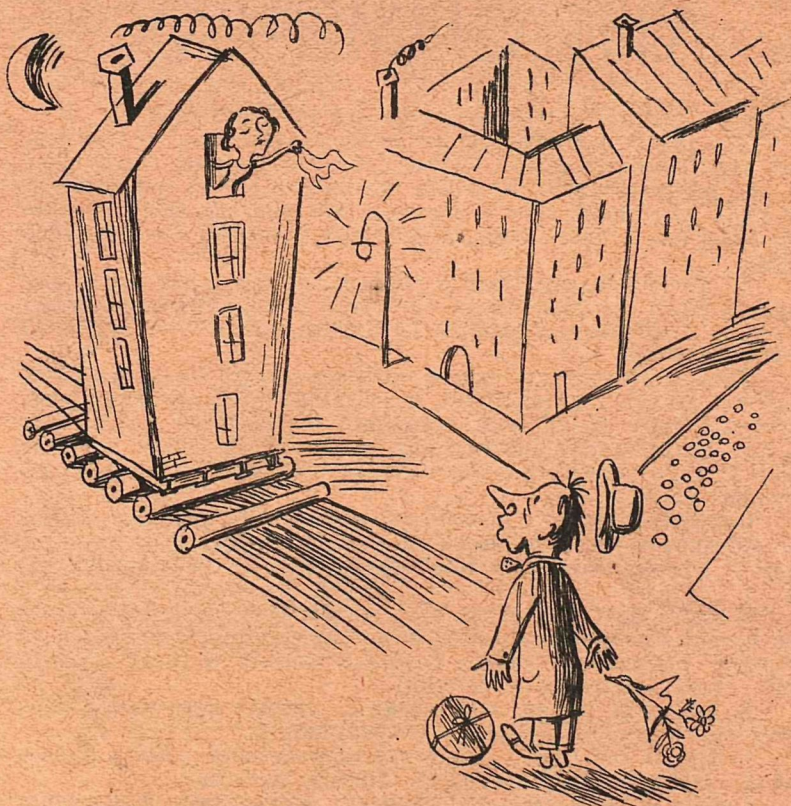
УЛОЧНИ

— Раньше на дню-то раз двадцать в магазин сбегашь, — не дают ли чего по талонам, а теперь никакой тебе заботы!.. Скука...

ПЕРЕДВИЖКА ЗДАНИЙ

Рис. Б. Малаховского

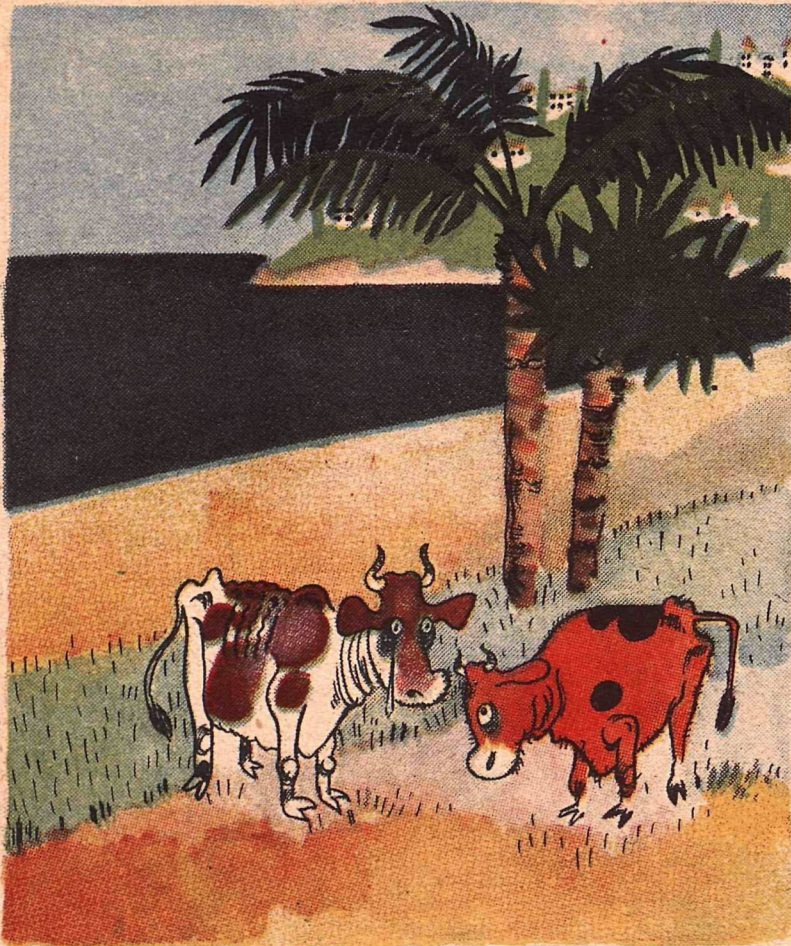

„Где ж эта улица,
Где ж этот дом,
Где же та барышня,
Что я влюблен?..“

КОРОВЬЕ СЧАСТЬЕ

Рис. М. Храпковского

В скотобазе Сочинского мясокомбината нет ни навеса ни кормушек. Коровы по колена стоят в грязи и теряют в весе.

— Людям—курорт, а мы все время теряем в весе!..

ОБ ИВАНАХ АНИСИМЫЧАХ

Есть люди, прямо незаменимые при неприятностях.

Они смазывают иодом чирья на чужой шее так, что счастливый чирьевладелец только крикает от удовольствия. Никто, кроме них, не умеет так продуктивно и деловито откачивать утопленников. А глазетовый гроб с золотыми кистями они достают с такой лихостью, с какой некогда драгуны похищали благонравных девиц.

Но попробуйте общаться с таким человеком в дни, когда вам хорошо, когда под фиолетовым галстуком легко и свободно дышит грудь, а из всех неприятностей не изжита только потеря старого зонтика в трамвае.

Повезите, например, такого человека к себе на дачу. Поведите его гулять в молодой лес, познакомьте его с лучшими женщинами вашего полустанка, покормите его жареной уткой, дайте ему полюбоваться закатом над полями, и вы сразу увидите, что приятное убивает такого человека, как мышь старую домашнюю мышь.

Он сядет в гамак и прорвет его своим худым, острым задом. Он наступит в коридоре ногой на приготовленный к ужину студень. А к вечеру выпустит хозяйскую корову на цветочную клумбу.

И не верите вы больше, что еще недавно этот самый человек из-под земли привез вашей жене замечательное лекарство от малярии. Научил вас точить бритву о стакан. И помог вашему сыну сдать экзамен по геометрии.

И смотрите вы на это небритое, унылое человекообразное существо и думаете сердито и конфузливо:

— Ну, на кой чорт я взял этого типа на дачу?.. Что у меня—забор свалился или кого-нибудь лошадь лягнула?

Сейчас сухими информационными рассказами о подобных людях полны наши газеты. О них рассказывают обидные фактические анекдоты с трибуны. О них синими и зелеными красками вопиют стенгазеты во всех углах Союза.

Для того чтобы быть конкретнее, назовем одного из них Иваном Анисимычем. Если хотите, дадим ему даже фамилию:

Дудоев. Хотите, — Яшкин. А может быть, просто — Кудахов. Это все равно.

Еще недавно этот самый Иван Анисимыч, отсыживаясь в безчисленных гортах, оразах, пекарнях и «коммунарах», чувствовал себя гением снабженческого дела, титаном товаропроводящей сети и минимумом Коперником хлебопечения.

Он испекал длиннейшие ряды буханок и патетически верил в святую непоколебимость стандартной буханки как величайшего достижения в хлебопечении. Калач с хрустящей корочкой, — это уже Париж. Бостон. Мулен-Руж. Буржуазное разложение.

Он переставлял в магазинах грибной салат с левого прилавка на правый и считал это верхом декоративного искусства в розничной торговле. Запасался на лето полутонной перца, пытался распродавать его вместе с залежавшимися щеточками для усов и считал, что с вопросом об ассортименте все обстоит благополучно.

И вдруг в одно неприятное утро Иван Анисимыч проснулся распятым на кресте зажиточности.

Наступали кошмарные дни.

Сквозь узкие печатные строки постановления об отмене хлебных карточек на Ивана Анисимыча холодным взглядом смотрели печеные ужасы. Витые булки. Розанчики. Цукатники. Жестокосердые калачи. Нахальные пеклеванные. И даже отрыжка проклятого прошлого — французские булки.

Они вопияли о свежих тесовых ларьках, дышащих на улице теплым запахом свежего хлеба. Ларьки в свою очередь вопияли о новых магазинах, с отлакированными прилавками, с красивыми витринами и, что самое страшное, с покупателями, требующими к калачу ветчины, к ветчине — тешки, к тешке — кильки и т. д. Типичными нахалами зажиточного времени.

И когда они запальчиво и, не боясь последствий, начали строить упомянутые ларьки и магазины, Иваны Анисимычи объявили непротивление злу.

Настоящей, хорошо поставленной торговли их тонкий организм вынести не может.

На ст. Бологое нужно было открыть ларек с хлебом. Кстати, необходимо было починить и старый. Потребовались доски. Несколько десятков. Больше, как известно, для хлебного ларька ничего не требуется. Ни больших глыб розового мрамора, ни гранита, ни даже эффектных венецианских изваяний из старой бронзы. Только несколько досок. Эта задача оказалась непосильной для местного Ивана Анисимыча. Ларек не открыт.

В городе Иваново зажиточная жизнь уперлась в непреодолимые препятствия. Для пекарей нет колпаков. Казалось бы тоже, что здесь не нужны большие запасы парчи и алого тулонского бархата. Только несколько метров простой, обыкновенной материи. Ее не нашлось. Иваны Анисимычи развели руками. Пекаря ходят без дела.

В Свердловске пекарей надо искать с фонарями. Часть их работает на земляных работах. Часть ревностно и честно разносит почтовые корреспонденции. Вернуть их к старой профессии Иваны Анисимычи не могут. Сейчас Свердловск стоит перед дилеммой, кто же будет печь калачи и розанчики: почтовики, плановики или фотографы-любители?

В Ростове Иваны Анисимычи не могут приступить к постройке восьми новых ларьков. Повидимому, это считается задачей, абсолютно непосильной для большого города. Ну Магнитострой, ну Челябинстрой, ну Ростсельмаш, ну еще что-нибудь такое легонькое, — об этом еще можно было бы поговорить. Но восемь новых ларьков, — это уже слишком непосильная задача даже и для нашего ответственного времени.

В Бузулуке туземный Иван Анисимыч на этот раз уже под фактической фамилией Берников, директор местной конторы Горта, вообще не верит в распоряжение о свободной продаже хлеба. Мало ли что в центре выдумают?

— Решение — это еще не все, — заявил он. — Вот когда я получу указание от краевой конторы Горта, тогда подумаем, что делать.

В Свердловске, в Саранске, в Киеве вопрос об открытии ларьков и магазинов — в состоянии дискуссии. Хлебопечение переживает чисто теоретическую молодость. Решается вопрос: что есть булка и что не есть булка? Следует ли ее печь в печке или наоборот. Следует ли испеченную булку продавать в центре или тоже наоборот? И, вообще, прорабатывается вопрос о хлебной торговле как таковой, в ее исторических истоках и будущих перспективах. Что касается вопроса о том, что торговля хлебом должна быть уже немедленно открыта, об этом еще ничего не слышно.

Мы уже предупредили о том, что не везде обстоит дело так, как при Иване Анисимыче. Но Иван Анисимычей не мало. Они еще ходят с недоуменным видом по местным переулкам и площадям и недоумевают, зачем это понадобилось, чтобы в городах, городках и городишках вдруг засверкали огнями витрины, чтобы в полупустующих помещениях, занятых домоуправлениями, никому ненужными канцеляриями или, вообще, отведенными на всякий случай, открылись магазины, чтобы в этих магазинах были красивые груды хорошего товара и веселые покупатели весело покупали то, что им нужно.

Иваны Анисимычи боятся хорошей жизни. Хорошая жизнь их тоже боится. Иванам Анисимычам придется уступить!

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

Рис. К. Рогова

— Прости, Вася, я сейчас занята. Заходи вечером в клуб, тогда поболтаем...

Летом истекшего года мы видели живого набоба.

Это было у Черного моря, в Сочи. Набоб занимал три комнаты в гостинице «Ривьера». В этих пышных апартаментах с постоянной серо-голубой полоской моря в окнах он жил один в окружении патефонов и халатов. По утрам у подъезда его ожидала машина, какая-то особенная, длинная, черного лака, с белыми шинами, чем-то вызывавшая в памяти образ вороного рысака с переминутыми ногами.

Набоб, как полагается, вел жизнь типичного набоба. Лучшие вина побережья ящиками присылались в его покой. Лучшие девушки курорта дарили ему свое внимание. «Дусик, вы пользуетесь среди меня успехом», — писали они ему голубые секретки. А какие халаты были у набоба! Зашатаешься! Махровые. Шелковые. Стеганые. Персидские. Шемахинские. Пурпурные. Апельсиновые. Перванш с искрой. Шанжан с жилкой. С кистями. Без кистей. С жабо и без оного.

Кроме халатов и пижам, в комнатах его были рассеяны десятки патефонов самых различных марок, все они были дареные, с серебряными выгравированными надписями: «от благодарных друзей», «от любящих и помнящих» и даже «от поклонников таланта».

Действительно, талант у набоба был такой, которому стоило поклоняться. Его коротенькая двухстрочная записка производила на начальников вокзалов и билетных кассиров более сильное впечатление, чем все тома «Войны и мира» Толстого, — по этой лаконичной писулке в самом перегруженном курортном составе находилось место для ее подателя. И не просто место, а мягкое. И не только мягкое, но и низкое. И притом — для некурящих. Зашатаешься!

По набобей записочке пускали в концерты в курзал, предоставляли бесплатно такси Союзтранса, давали вне очереди номера в гостинице. Казалось, по этой записочке можно усмирить разбушевавшееся штормовое море, прекратить в секунду льющий несколько дней сочинский субтропический ливень, устроить внезапно — для развлечения знакомых — солнечное затмение. Одним словом, выражаясь на языке самого набоба, — это была «тая записочка»!

Глядя на его фигурку мизерного сложения, барахтающуюся в море, мы частенько терзались вопросом, кто же он, этот человек, влачащий столь дивное существование?

В то время, как волна смывала пенсне с его носа, перед нами представляли сады и рощи Бенгалии, змея, охотно ползущие на звук дудочки, небо Абиссинии, танец живота, корень мандрагоры, священные слоны, лимоны, померанцы, дефицитные товары и еще, пес его знает, что!

Скоро, однако, наша загадка разрешилась. Роскошный человек оказался заведующим закрытыми просмотрами новых фильмов в Москве. Звали набоба Мирон Ильич.

И тотчас же легкокрылая мысль наша из знойной Бенгалии перенеслась в континентальный пояс, в Москву, в столичное кино. Нам вспомнились так называемые закрытые просмотры. По роду службы, так сказать, нам частенько приходится бывать на этих закрытых просмотрах. Аккуратно опечатанное на картоне приглашение «просит вас посетить очередной закрытый просмотр фильма «Человек из Колорадо». Передача билета другому лицу

строго воспрещается». Под этой сакраментальной формулой красуется подпись набоба.

Предупрежденный строго-настрога, вы ни за что не передаете билет другому лицу, несмотря на его, другого лица, мольбы и заверения в долготелней дружбе. С какой стати! Ведь просмотр устраивается специально для прессы, критиков, творческих работников, студентов Института кинематографии, артистов, писателей и т. д. Нечестно передавать билет постороннему лицу. Будем сознательными! И, порвав навсегда с закадычным другом, глотая слезы и неся в руке приглашение бережно, как паспорт, вы самостоятельно отправляетесь на закрытый просмотр.

У входа в кино, где происходит таинство, бушует толпа. С удивлением вы узнаете в толпе знакомые лица. Вот знакомый режиссер. Вот приятель-критик. Вот известный журналист. Все они тшцатся попасть в обетованный зал. Но не могут. Нет билетов. Ого-го-го! «Значит, действительно строго, — думаете вы, — ежели таких орлов не пускают!». И, гордо подняв голову, с чуть поматыми боками, вы проходите в фойе.

Франты в полосатых семисезонных пальто с такими широкими плечами, что кажется будто в пальто спрятана штанга. Ответственные исполнители в кавказских рубашках и в ремешках с набором вороненого серебра. Дамы, расшитые как попало металлическими пуговицами, что делает их похожими на ливрейных швейцаров. Девушки с обтекаемыми формами и с мерлушечьиими головами, завитыми способом «перманент». Молодые люди фасона «приспособленец». Вся эта малопочтенная публика заполняет фойе. Ни одного знакомого лица! Вы тщетно вглядываетесь, — ни одного!

Впрочем, нет... вот как будто бы знакомые черты... Где вы его видели, чорт возьми? На кинофабрике? В редакции? В театре? В союзе писателей? Улыбается, подлец, как старому знакомому... Ага! Вспомнили! Вчера вы покупали у него кепку в Столешниковом переулке. Матерой кустарь-кепочник. Он разгуливает под руку с «воротничками новейших фасонов».

Воротничковцы. Перчаточники. Билетные кассиры. Директора патефонных фабрик. Заведующие райжилбюро. Председатели артелей по производству замазки. Руководители портновских ателье. Представители резиновых, сахарных, обувных, мебельных, силикатных, писчебумажных, фанерных, малярных, мануфактурных организаций. «Нужные люди». Необходимые люди!.. Вот большинство постоянной аудитории закрытых просмотров.

И только как довесок какие-то критики, артисты, операторы, писатели! Накладной расход! Печальная необходимость!

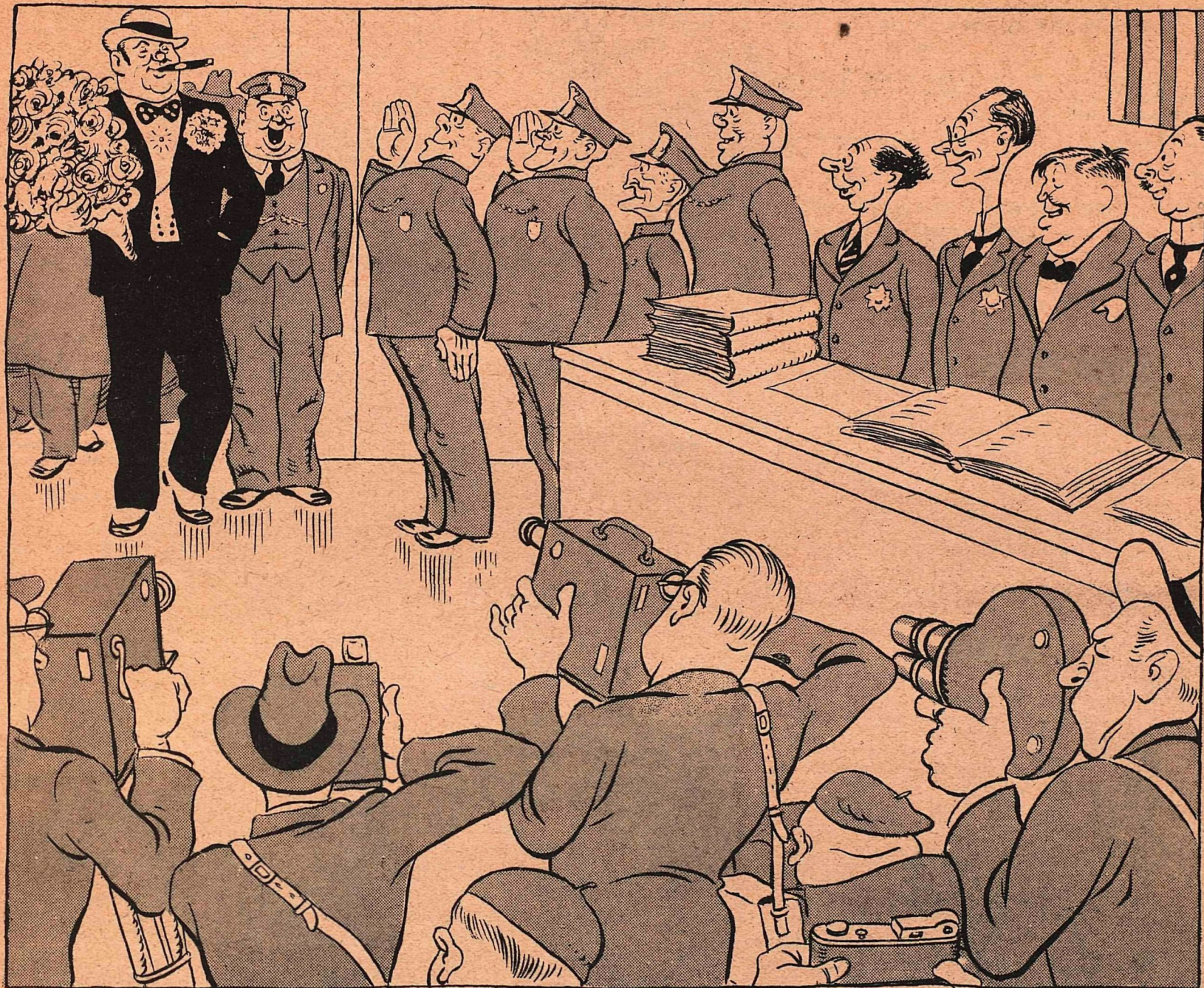
Именно по этому принципу комплектуется набоб закрытые просмотры. Вот уж поистине — закрытые. Наглухо закрытые для тех, кому они предназначены. И настезь открытые для всякой подозрительной шуперы.

Все это вспомнили мы, глядя на купающегося набоба. А он меж тем уже вышел из воды и, закрыв нос кленовым листочком, опрокинул на гальку свое сизое, поросшее рудым волосом тело. И нам вдруг стало ясно все. И машина у подъезда. И халаты. И патефоны. И записочки. И вся его дивная набобья жизнь.

«Тая жизнь»!

Бр. ТУР

Рис. Бор. Ефимова

Бор. Ефимов - 35

— Встать!.. Подсудимый идет!..

МАЛЮТКА ДЖЕККИ КУГАН ЖЕНИТСЯ

Время берет свое. И как видно на приводимой фотографии, знаменитый киномалютка Джекки Куган, несмотря на упорное сопротивление природе, вырос настолько, что вынужден жениться на девушке, запечатленной рядом с ним на трогательно лирической карточке.

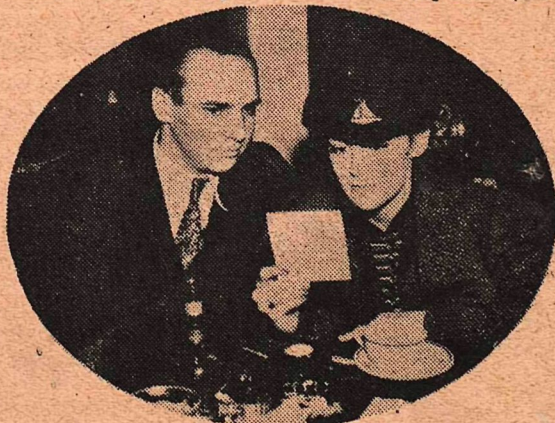
Время берет свое. И только товарищ Яков Яковлевич Шахов, проживавший раньше в Верхнеудинске, а ныне — на станции Оловянная в УССР, до сих пор не может взять свое. Вернее свои. Свои кровных триста рублей.

15 мая 1933 года он телеграфом перевел из Верхнеудинска в Оренбург своей жене триста рублей. Ни жена ни он до сих пор этих денег так и не увидели. Розыски дали в результате гору всяких документов более или менее категорических.

Вот перечень документов:

1) Сообщение из Оренбурга от 15/1—34 г. за № 738 о воз-

вращении денег в В.-Удинск 29/V—33 года. 2) Сообщение из В.-Удинска от 19/III — 34 г. без № о том, что деньги пересланы в Хабаровск (зачем?). 3) Сообщение из НК связи ЦБЖ от 29/I — 34 года № 15/ж о том, что деньги будут возвращены к 25/II — 34 года. 4) Сообщение Управления уполномоченного связи по БМАССР от 11/VII—34 года № 51, что деньги переведены в Онон. 5) Сообщение пом. прокурора Вост.-Сибирск. края от 22/VII — 34 г. № 2058-0 о принятии мер к удовлетворению. 6) Копия датированного 10/X — 34 г. № 5-6-423 отношения уполномоченного связи по БМАССР Оловянинскому райотделу связи о срочной выплате денег.

Если Наркомсвязь не возьмет свой аппарат в руки, товарищу Шахову никогда не придется взять обратно свои триста рублей.

Тов. Рыков! Алексей Иванович! Ау!

ДРАМА НА АРЕНЕ

Единодушный крик ужаса мгновенно пронесся по цирку...

Еще за месяц до так печально окончившегося представления в местных газетах и на досчатых стенах госцирка заестрели широковещательные объявления:

ЕДЕТ! ЕДЕТ! ЕДЕТ!
НЕУСТРАШИМЫЙ УКРОТИТЕЛЬ ТРОПИЧЕСКОЙ И
СУБТРОПИЧЕСКОЙ ФАУНЫ
КАПИТАН ДЖОН ДЖУЗЕПЕНКО
со своими
— 4 — ЛЬВА — 4 —

На больших розовых, зеленых, голубых и желтых афишах, расклеенных на заборах всего города, красовался жизнерадостный и мужественный гражданин в шикарной опереточного образца венгерке и пушистыми, лихо закрученными кверху усами. Он стоял в свободной и непринужденной позе между четырьмя молодцевато выглядевшими царями пустыни средних лет с гривами, выщипанными как от шестимесячной завивки «перманент».

В день первого представления цирк был набит доотказа. Оправдывались самые радужные надежды директора. Публика не обращала никакого внимания на занятых в первом отделении серых тружеников Гомаца, пытавшихся было урвать для себя на круглом ристалище славы хоть крохотную порцию симпатии публики.

Вотще молодая уже наездница Волна-Тверская прыгала через розовые бумажные обручи, пытаясь при этом изобразить на своем живописно раскрашенном лице подобие пленительной улыбки; напрасно ветераны клоунады Жак и Папертных выкладывали перед бессердечной публикой многовековые запасы самых сильнейших остроумств; зря неутомимый жонглер Целый Фаренгейт демонстрировал лучшие образцы своего трудного и благородного искусства. Несколько снисходительных жалостливых хлопков были их печальным уделом.

И вот зажглись ярчайшие огни электрических солнц, оркестр где-то наверху, под самой крышей, грянул громopodobный марш, и сам директор под лавину аплодисментов прокричал:

— Сейчас выступит единственный в мире знаменитый, настоящий укротитель тропической и субтропической фауны капитан Джон Джузеппенко со своей группой 4 — ЛЬВА — 4. В числе прочих номеров капитан Джузеппенко, совершенно безоружный, будет на глазах своих диких львов есть отбивную свиную котлету. Номер, небывалый в цирковой практике, чрезвычайно опасный и требующий абсолютной тишины в публике.

Оркестр сыграл туш и затих. Капитан Джузеппенко, молодой уже красавец мужчина, вышел на арену, величественно и вместе с тем просто, и раскланялся с деланной скромностью перед влюбленно глядевшей на него публикой. Закончив раскланываться, он сделал знак, и на арену выбежали, нехотя рыча, четыре порядком потрепанных светской жизнью льва. Они обежали кругом арену и расселись на специальных раскрашенных скамеечках с такой деловитостью, как будто у себя в далекой и знойной Сахаре только этим и занимались.

Однако отважный капитан не позволил им засиживаться на занятых постах. Минут пятнадцать хищники менялись друг с другом местами, прыгали друг через друга, прыгали через капитана, прыгали через обручи, качались на балансе и проделывали много всяких других штук, которые безусловно унижали их царское достоинство.

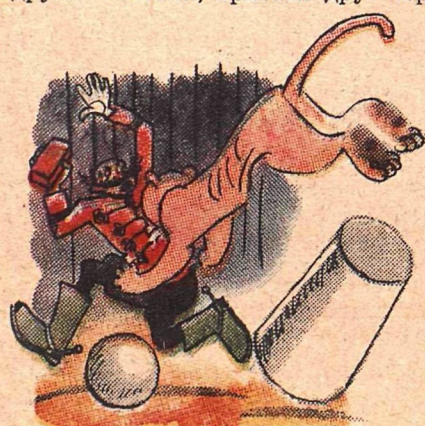

Рис. Н. Ротова

Но вот наступил долгожданный момент, заслуженного отдыха. Затаив дыхание, зрители следили за тем, как неустрашимый капитан, все время не спуская глаз со львов, поставил около решетки столик дачного образца, покрыл его скатертью, расставил тарелку с отбивной котлетой, солонку и большую буханку хлеба.

Начинался коронный номер — ужин безоружного капитана в клетке с дикими львами. В наступившей абсолютной тишине слышно было только негромкое чавканье капитана и тихое сопение львов, довольных, что их хоть на время оставили в покое.

Если вы, дорогие читатели, будете когда-нибудь укротять львов или других им подобных хищников, старайтесь не показывать им хотя бы капли крови. Запах крови — этой свободной игры красных и белых кровавых шариков — приводит любого представителя отряда плотоядных в состояние полного аффекта, и дрессировка, к великому сожалению ваших родных и знакомых, может остаться незаконченной, увы, не по вашей вине...

Одним словом, разжевывая слишком пережаренную и достаточно жесткую отбивную свиную, капитан Джузеппенко сломал себе зуб, каковой по простоте душевной и выплюнул вместе с солидным стуктом крови на девственную белизну опилок, покрывавших арену.

Когда он понял свою ошибку, было уже слишком поздно. Львы как-то странно переглянулись между собой, взоры их засверкали загадочным и явно неприятным блеском, после чего очевидно в порядке старшинства первым бросился на очумевшего от ужаса капитана огромный свирепого вида лев.

Вот как раз в этот момент единодушный крик ужаса и пронесся по цирку. Джузеппенко забегал по арене, как мышь в мышеловке. Хотя бы какое-нибудь оружие было под рукой! Но увы! Револьвера не было, и даже обыкновенный столовый нож, которым за несколько мгновений до этого неустрашимый капитан разрезал хлеб, лежал согнутый, после неудачной попытки разрезать неприступные твердые буханки.

Положение было явно безвыходное. Еще несколько секунд — и лев безусловно достиг бы несчастного укротителя.

И вот в этот трагический момент, среди грохота, воплей, истерик и криков, переполнивших душное помещение Заштатского государственного цирка, раздался отчаянный голос с галерки:

— Ты его буханкой круши! Прямо по кумполу буханкой, — кричал гражданин лет двадцати пяти, отчаянно вращая глазами.

Совет пришелся очень к месту. Схватив буханку обеими руками, капитан стукнул ею изо всех сил по голове нападавшего хищника. Громкий треск раздался по всему цирку. Это треснули окаменевшие корки хлебной корки.

Эффект превзошел всяческие ожидания. Лев тяжело закачался, взревел нечеловеческим голосом и упал, неистово царапая себе лапой морду: под неприступной твердой хлебной корки оказалась благодатная слякоть недопеченного хлеба, залепившая наглухо пасть, глаза и уши несчастного животного.

Вздых облегчения раздался из груди взволнованных этой кошмарной сценой зрителей.

Однако радость была преждевременной. Сдержанно рыча и хлопая себя по бокам хвостом, в бой рванулась великолепная львица со следами былой красоты на морде. Воспрянувший уже было духом укротитель снова пал упомянутым. Снова забегал он, как в мышеловке, и снова с галерки раздался голос того же самого гражданина.

— Ты ее, гадуку, кирпичом по голове бей!

Взоры тысячи зрителей и несчастного Джузеппенко обратились на арену. Никакого кирпича нигде не было видно.

— Кирпичом по голове бей, говорят тебе!

— Да где он, кирпич-то? — заорал Джузеппенко, бросая на гражданина с галерки взгляды, полные мольбы, надежды и негодования.

— То-есть, как где кирпич-то?.. Где ему, кирпичу, быть? Конечно в буханке.

И тут укротитель окончательно воспрянул духом. Он схватил огромный кусок кирпича, запеченный любовной рукой какого-то доброго пекаря в хлеб, и со всей силы плашмя ударил им по голове львицы так, чтобы не убивать, а только оглушить животное.

Через две минуты четыре огромных туши царей пустыни лежали на арене в так называемом полубморочном состоянии. Служители их спешно выволокли из клетки. Гром аплодисментов приветствовал спасенного капитана. Обливаясь сладкими слезами восторга и умиления, директор цирка под громкие возгласы одобрения ошалевших от радости зрителей вытащил на арену утиравшегося и явно недооценивавшего всей важности своей роли в спасении капитана Джузеппенко гражданина с галерки. Сняв кепку, тот долго bestолково кланялся во все стороны публике, прижимал руки к сердцу, утирал слезы радости, кряхтел, поеживался, застегивал и расстегивал в вполне понятном волнении пальто и все по-рывался уйти с арены.

— Мне, граждане, на работу пора, — канючил он, тоскливо устремив свой взор к выходу, — так что вы меня, граждане, пожалуйста, обязательно отпустите.

Рис. Ю. Ганфа

— Подумаешь, — Красная армия. В свое время она даже угнаться за нами не могла.

— Только один вопрос, дорогой, — обратился к нему директор в то время, когда растроганный укротитель, предварительно облобызав спасителя, набожно тряс ему руку, — только один вопрос: как это вы догадались дать такие спасительные и своевременные советы?

— Как же мне да не знать, — ответил скромный спаситель, — раз я мастер хлебозавода. Что я свою продукцию не знаю, что ли?!

И ушел, благославляемый тысячу взволнованных зрителей.

Вполне оправившийся уже от пережитых волнений неустрашимый капитан Джон Джузепенко в беседе с нашим сотрудником сообщал, что после трагического вечера, едва не стоившего ему

жизни, он твердо решил иметь всегда в кармане на всякий случай оружие.

— А ковриги хлеба, — разве они недостаточное оружие в борьбе против взбесившихся львов? — задал робкий вопрос наш сотрудник.

— Увы! — сказал капитан. До первого января текущего года можно было полагаться на хлеб. Теперь же, после развертывания свободной продажи хлеба, количество кирпичей, попадавших в хлеб, настолько уменьшилось, что было бы простым безумием полагаться на столь неверный и маловероятный шанс в борьбе с четвероногими свирепыми хищниками.

Наш сотрудник понимающе кивнул головой и крепко пожал руку единственному в мире покорителю тропической и субтропической фауны.

Л. ЛАГИН

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ИСТОРИИ

Начальник пожарной дружины витебской артели «Вперед» — не Наполеон. И временно ходит не в сером походном сюртуке и без треуголки. Но по стилю своих приказов он уже успел перегнать упомянутого полководца. Специально для истории приводим один из его приказов по фронту огня и пламени:

ПРИКАЗ № 5

по пожарной дружине артели «Вперед» от 4 января 1935 г.
Начальник дружины артели «Вперед» приказывает: сегодня в 4 часа дня всем пожарникам явиться на общее собрание в виду случившегося пожара. В случае неявки, будут оштрафованы на 100 руб. Явиться в столовую арт. «Вперед» ровно в 4 часа.

Начальник дружины Гейман
Пом. нач. Богры.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТИЛИСТЫ

Опубликовываем наиболее красочную выдержку из серии неизданных писем управляющего актюбинской межрайконторы «Маслопрома» к Темирскому заготпункту:

Кто вам дал право масло-топец отпускать по 9 р. 25 к.? За подобные операции Облфо с Вас спустят штаны. В по-

рядке логики научитесь писать, чтобы курям на смех не было.

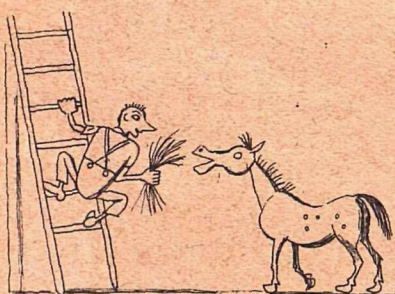
«Курям», что! Птицы легкомысленные. Улыбнутся и забудут. Но каково деловому архиву сохранять подобные стилистические упражнения за соответствующими номерами?

ДОМАШНИМИ СРЕДСТВАМИ

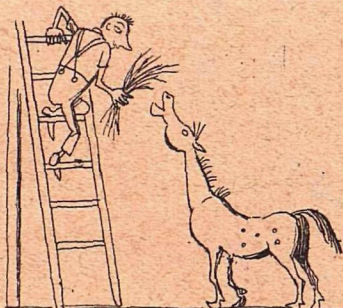
или

штетная история о том, как один досужий изобретатель сам себя изготовил жирафа

Рис. Б. Малаховского

1. Его лошадка, несомненно, Пошла за ним, почуя сено.

2. Пополз по лестнице он шаткой. Все выше сено над лошадкой.

3. Он вверх полез, любуясь ею. Она ж вытягивает шею.

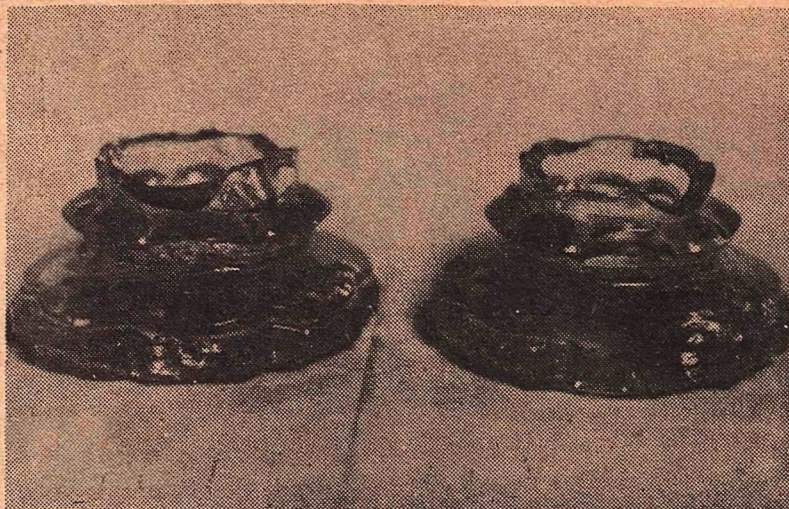

4. И всех прохожих огорошив, В жирафа превратилась лошадь.

5. И вот затейнику награда: Владелец стал он... зоосада.

КЕРОСИНОВЫЕ ЧЕРНИЛЬНИЦЫ

Охотно помещаем поясные портреты двух разбитых чернильниц, являющихся в Баку незаменимыми спутниками обыкновенной керосинки.

Оказывается, что если вы хотите купить в магазине № 435 Азторга керосинку, вы обязаны попутно уплатить и за две чернильницы, каковыя можете сохранить как сувенир или немедленно выбросить.

Портретов администраторов из Азторга не помещаем, но полагаем, что они выглядят не лучше чернильниц. А что с ними — и администраторами и чернильницами — делать, оставляем эту проблему на решение соответствующих местных организаций.

ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫЙ БОГ

Ташкентская газета «Правда Востока» организовала легкий стык античной мифологии со списком блюд и напитков в столовой Нарпита.

Помещая карикатуру из «Чикаго трибюн», на которой изображен древний бог войны —

Марс, газета деловито подписывает ее:

МОРО. БОГ ВОЙНЫ.

Не надо так делать, товарищи! Иначе, если вы поместите Фемиду, вам неминуемо придется подписать:

«Антрекот. Богиня правосудия».

НОВОСИБИРСКИЕ ЭКОНОМЫ

На новосибирском телеграфе работают люди, готовые положить свой живот за каждую государственную копейку, а тем более за тридцать восемь государственных копеек.

21 декабря прошлого года они отправили срочную и грозную бумагу одному из своих клиентов:

НОВОСИБИР С И И
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ТЕЛЕГРАФ
ул. пр. Сталина и Советской

Новосибирский Телеграф ставит Вас в известность, что до Ветеринарного учета на почте телеграммы № 207... приняты в доверительное на ... 1 руб. 30 коп. ... в о. м. м. Руб. ... 30 коп. ...
О получении... предоставляем немедленно... расчет до 20-го декабря, в противном случае указанная сумма будет зачислена в пользу... банк.

Директор Д.Т.
Гл. бухгалтер

(Шамарин)
(Галкина)

Удивляться тут нечего. На тридцать восемь копеек можно купить минимум 78 таких работников, как подписавшие эту бумагу граждане Шамарин и Галкина. Ибо каждому из этих работников красная цена грош.

ФАМИЛИЕ

На штампах адресного бюро г. Москвы до сих пор первая строчка четко отпечатывает следующее:

УКАЖИТЕ ТОЧНО ФАМИЛИЮ... И Т. Д.

Смеем заверить адресное бюро, что слово «фамилия» до сих

пор было женского рода и никуда не подавало заявлений о перемене своего рода на средний.

Конечно, фамилие — это смешнее, но ведь адресное бюро еще не перешло на амплу развлекательного жанра.

СЕРЬЕЗНОЕ ДЕЛО

НОВОЕ В МЕДИЦИНЕ

Рис. Л. Генча

У одной популярной американской пловчихи спросили, что ее натолкнуло на побитие рекордов. Пловчиха кокетливо ответила: — Скука и Джек.

Какая-то скандинавская лыжница уверяла репортеров, что причина ее рекордов — безнадежная любовь к итальянскому тенору.

На днях сибирская колхозница Дарья Никитина побила районный рекорд женского пешего хождения. Пятьдесят четыре километра по сугробам бескрайней сибирской дороги. В валенках. С узелком, сквозь пургу и ветер, кусающий, как злая собака.

И если вы спросите у Дарьи Никитиной, какова причина ее рекорда, она ответит вам честно и искренно:

— Самокритика.

Такого ответа еще никто не слышал ни от одной рекордсменки. Пользуемся этим случаем и, шадя скромность Дарьи Никитиной, расскажем за нее подробнее, как обстояло дело.

Дарья Никитина была выбрана на с'езд советов Красноярского края. Село Кочергино, посылая ее на с'езд, не организовывало пышных проводов, но не отказало своей делегатке в некоторой доле удобств.

— Садись, Дарья, — гостеприимно предложили ей место в просторных санях, запряженных парой сытых лошадок, председельсовета Русаков и предколхоза Лаптев. — До Минусинска подвезем, а там по железной дороге до Красноярска сама доедешь.

Пятьдесят четыре километра от Кочергина до Минусинска прошли незаметно. Весело бежали лошадки, весело скрипел под полозьями снег и весело беседовала делегатка с председателями о нуждах Кочергина.

Опытный очеркист, набивший руку на периферийных темах, лучше нас рассказал бы, как в Минусинске оба председателя степенно направились в местный райисполком, а Дарья Никитина со своим узелком садилась в жесткий вагон красноярского поезда. И как стучали под вагоном колеса, и как шел пар из уст проводника, и каким сочным языком говорили Дарьины соседи по бесплацкартным местам.

И лучше нас описал бы опытный очеркист заседание красноярского с'езда советов, но нам важна здесь только одна деталь: выступление Дарьи Никитиной.

Выступала она неказисто, но кренко. В нескладных, но добротных фразах выложила все, что накопилось на душе: и как плохо работает сельсовет, и как кавителится правление колхоза, и, наверное, сама очень удивлялась, почему это с таким вниманием ее слушает весь зал. И почему это председатель, когда она кончила, деловито предложил ей:

— Может, еще что хочешь сказать, Никитина? Говори. Я тебе время продлю.

Но Дарья Никитина свое отсказала. И, отсидев до конца с'езда, поехала домой. Снова жесткий вагон, снова Минусинск, снова встреча с председателем сельсовета Русановым и с предколхоза Лаптевым.

— Поехали, что ли, домой, товарищи!

— Кто поехал, а кто и нет, — хмуро реагировали председатели. — Спасибо вам, Дарья Ивановна. Удружили, можно сказать. Век не забудем.

И пошли запрягать лошадей. Пошла за своим узелком и Никитина. Перевязала его, засунула за пазуху с'естного на дорогу, вышла на улицу и увидела удаляющиеся сани с Русановым и Лаптевым.

— Без тебя уехали, бабонька, — посочувствовал какой-то местный старичок. — Осерчали на тебя. Накапала ты на них в Красноярске, на с'езде-то. Разнесла. Им, сердешным, в райисполкоме голову и намылили. Вот они и порешили, чтобы ты за свои слова п'ехом домой добралась...

Вдохнула Дарья Никитина, потуже затянула платок и пошла побивать рекорд женского пешего хождения.

Уныло беседовали в санях два председателя, но весело бежали к Кочергину сытые лошадки и попрежнему весело скрипел под полозьями тугой дорожный снег. А за много километров позади, увязая в снегу, взбираясь на сугробы, сквозь пургу и ветер, шла пешком делегатка красноярского с'езда советов товарищ Дарья Никитина.

Шла и думала — а за пятьдесят четыре километра есть много времени подумать — о том, какая это опасная вещь самокритика и как тяжело нести на своих плечах узелок, комья налипшего снега и бремя честного отношения к делу...

Кажется, мы уже скатились до лирики. Не надо ее. Здесь не место для лирики. На издевательства не реагируют валерьяновыми каплями. С издевщиками разговаривают другим языком. И если читатель посетует на нас за невеселую передачу совсем незаселого факта, пусть эти строчки послужат на месте происшествий материалом для еще более невеселого разговора с теми, кто заставил сельскую активистку пройти пешком пятьдесят четыре километра. Ради этого стоит на время отказаться от улыбки и серьезно поговорить о серьезном деле.

П. ВОРОБЕЕВ

— Как вы хорошо выглядите для вашего возраста!
— Видите ли: я много бываю на льду и потому хорошо сохранился!

ДНИ ЗА ДНЯМИ КАТЯТСЯ...

Кончились ахи и вздохи томных лирических поэтов о том, что жизнь не возвращается и дни проходят безвозвратно.

Ерунда это. Белорусский Госиздат сразу дал по рукам этим уладочническим настроением и выпустил отрывной календарь на 1935 г., в котором числа месяца расположены так:

ЯНВАРЬ. 15. 16. 16. 21. 22. 21. 22. 23. 24. 23.

ДЕКАБРЬ. 1. 2. 7. 8. 7. 8. 9. 10. 9. 10. 15. 16. 15. 16.

Хорошо живется по белгосиздатовскому календарю! Проснулся сегодня, а это, оказывается, вчерашнее, вчера! Дожил до завтра, а это, оказывается, третьего дня... И спокойно и весело!

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Я не знаю, как завтракают горные козлы. Наверное, скачут с места на место, мелькая в глазах изумленного охотника.

Приблизительно по этой системе приходится завтракать и пассажирам на Харьковском вокзале.

Если вы наедаете за одним столиком больше, чем на 5 рублей, вам прикидывают 20% к счету. Поэтому опытные пассажиры сдают одно блюдо за одним столиком, другое — за другим, а сидят за третьим.

Но что делать пассажирам, которые не привыкли скакать по столикам? Научи!

А. НЕЧАЕВ.

Днепропетровск.

Дорогой Крокодил!

Еще в ноябре я послала в Посылторг задание, чтобы мне выслали женские туфли и три майки. Недавно я получила от Посылторга вместо туфель и маек три батарейки для карманного фонаря.

Как использовать батарейки вместо маек, я не знаю, но отсылать их обратно боюсь: а вдруг к апрелю мне пришлют наложенным платежом мышеловку или терку для редьки? Что делать?

А. ТРАЕВА.

Коммуна им. Ленина,
Чернский район.

Дорогой Крокодил!

Объясни, пожалуйста, почему сейчас в Москве можно в полчаса купить зимнее пальто, шапку и десяток галсту-

ков, а для того чтобы получить обратно собственные калоши в театре после спектакля, нужно чуть ли не час стоять на лестнице.

Неужели нельзя сократить эту сложную процедуру? Или театральные администраторы, у которых пальто и шапки висят в особом месте, просто не хотят расставаться со зрителями: так они их полюбили?

Я знаю, что это мелочь, но тысячи людей будут тебе благодарны, дорогой Крокодил, если ты напомнишь и о ней.

П. ДУВАЕВ.

Москва.

Дорогой Крокодил!

Если у тебя есть под руками обыкновенный пульверизатор, пришли, пожалуйста, его к нам в Киев. Мы его покажем здесь работникам Аптекоуправления.

Пусть посмотрят, какая это, в сущности говоря, несложная комбинация из двух трубочек и как его не страшно продавать в аптеках.

И. ЛЕНОВСКИЙ.

Киев.

Дорогой Крокодил!

Я — преподаватель физики и математики в неполной средней школе в деревне Ново-Николаевской. Мне не выдают дров. В моей квартире так промерзли потолок и стены, что на них выступил снег.

Комиссия, обследовавшая мою квартиру, в составе гг. Васина, председателя сельсовета, и Олешко, профуполномоченного, рекомендовала мне

купить ватное одеяло как незаменимое средство утепления комнаты.

Признаюсь, как ни холодно у меня в квартире, а от такого совета у меня выступил пот на лбу.

Ответь, дорогой Крокодил, как мне поступить теперь: готовиться ли к урокам, закутавшись в одеяло, или же отелить им стены и потолок?

М. А. СЛОБОДЯНЕНКО.

Западносибирский край,
Купинский район.

Дорогой Крокодил!

На станции «Моховые горы», в 7 километрах от гор. Горького, для того чтобы выпить стакан чаю, нужно иметь не менее 2 р. 10 к. Сумма эта распределяется так: весь мутный напиток и грязная ложечка — 10 коп., а 2 рубля — залог за стакан. У меня было с собой 1 р. 90 коп., и я не смог на эти скромные средства отогреться стаканом чая.

Спрашивается: сколько же надо платить залога за тарелки и вилки, если вздумашь на таком вокзале пообедать?

Г. ВАТЛИН.

С. Лальское.

Дорогой Крокодил!

Между сколькими подписчиками можно распределить один экземпляр газеты?

На этот вопрос нужно отвечать применительно к местности. Во всем СССР один экземпляр газеты можно выдать только одному подписчику. Сюду, за исключением района деятельности Черненского почтово-телеграфного отделения.

Здесь, по мудрому решению экспедитора, номера газеты, имеющие вкладные листы, распределяются между двумя подписчиками. Одному — вкладку, другому — остальные четыре страницы. Жертвой этой комбинации стал и я, получив вместо полного номера «Известий» от 5 декабря только вкладку.

Я являюсь твоим подписчиком на 1935 год и боюсь, что если не будут приняты срочные меры в отношении этого остроумного, изобретательного экспедитора, я буду получать не весь журнал, а только обложку.

Дорогой Крокодил, помоги! Прораб геолого-разведочной партии

П. И. ГЛУШИНСКИЙ.

г. Чернигов,
с. Ваватеево.

КАЖДЫЙ САМ СЕБЕ,
К СОЖАЛЕНИЮ, ТАРА

Рис. Б. Малаховского

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ВСТРЕЧА ГЕРОЕВ ШАХМАТНОГО ПОЛЯ

Шарж Н. Радлова

Слет маэстро в Москву перед турниром. Рядовых шахматистов на рисунке нет. Они сидят в клубах и обсуждают варианты возможных побед и поражений. Выезжают на конях (снизу вверх) — ФЛОР, ЛАСКЕР и КАПАБЛАНКА. Наверху (слева направо) — ЕРЕМЕЕВ, секретарь шахсекции, РЮМИН, РАБИНОВИЧ, ЛЕВЕНФИШ, ЧЕХОВЕР. Под двумя последними — РОМАНОВСКИЙ и ЛИСИЦЫН. Ниже — БОГАТЫРЧУК, КАН, АЛАТОРЦЕВ и БОТВИННИК.

Вот подлинная выдержка из лондонской газеты «Дейли Экспресс».

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В виду оживления интереса к привидениям редакция „Дейли экспресс“ просит своих читателей сообщать все свои переживания, связанные с этим вопросом, и рассказать, кто, когда и где встречался с привидениями и духами. Каждое опубликованное письмо оплачивается по 10 шиллингов и шесть пенсов.

Писать (не более 500 слов) по адресу: „Привидения“, „Дейли экспресс“, Флит-стрит, Лондон К. С. 4.

Дальше уже — от себя. Но применительно к фактическому положению вещей.

Редактор отдела «Привидений» Д. Д. Хринт начал прием. — Сэр, — почтительно начал первый посетитель, грузный человек лет шестидесяти, — я бывший колониальный полковник. У меня подагра. С некоторого времени я стал замечать, что моя племянница во время лунных ночей лязгает зубами.

— Обратитесь в подотдел «Упырей и вурдалаков». Наш отдел интересуют только мертвые племянницы.

— Мертвых не имею, — с сожалением вздохнул бывший полковник. — Кладбищенскими историями не занимаетесь?

— Имеете местное привидение?

— Местным служить не могу. Мог бы предложить одного испанца семидесятих годов, которому гаванский мертвец оторвал ногу.

— Не подходит. За импортные привидения не платим. Попробуйте подыскать парочку местного производства. Следующий.

Вслед за полковником пришла экономка одного молодого вилла, которая видела привидение в Манчестере, днем, во второй половине июля, но не помнит, как оно выглядело. Впрочем, если ей дадут 10 шиллингов и шесть пенсов, она вспомнит. Потом приходили еще какие-то посетители, при чем один из них заснул в углу и, проснувшись, заявил, что привидение — он сам и чтобы ему дали пива.

Словом, это были не те люди, в которых нуждается отдел «Привидений» газеты «Дейли экспресс», и редактор Д. Д. Хринт уже хотел идти играть в покер, когда в комнату вошел мрачный человек с большим, тяжелым бельмом на глазу.

— Сэр, — сухо сказал он, — вчера ночью на мосту около моего дома я слышал привидение.

— Я хожу ночью, тем более под дождем, без стенографистки, сэр. Ясно, что привидение не залезает под мост для того, чтобы читать там вслух воскресные стихи о состязании в футбол. Пойдемте вместе со мной и вы услышите. Захватите для себя фонарь, браунинг, зонтик и немного валерьяновых каплей. Для меня лично захватите 20 шиллингов и 12 пенсов, так как там могут оказаться два привидения. За всякое последующее привидение буду считать только половину.

В ту же ночь редактор Д. Д. Хринт и человек с бельмом, имевший между прочим колбасную лавку и фамилию Райд, в мрачной тишине пробрались по мосту над грязным притоком Темзы.

— Слушайте, Хринт, — внезапно схватил его за руку Райд, — оно!

Из-под моста раздавалось протяжное, заунывное пение.

— Я слышу мужской голос, — прошептал редактор Хринт. — Вы наблюдательны, Хринт. Ребенок или молодая леди не могли бы мычать, как этот бык. Хотите спуститься?

— Идем. Держите мой браунинг. Я боюсь, что он заряжен. Осторожными шагами они спустились по лесенке под мост и сразу наткнулись на небритого мужчину, который лежал на каменном выступе, плевал в воду и отмечал попадание непристойными куплетами.

Редактор Д. Д. Хринт осветил его фонарем и осенил крестным знаменем.

— Бросьте, — кисло проворчал небритый мужчина, — я уж крещен по англиканскому обряду и наречен Арчибалдом. Бывший антрепренер — Арчибалд-Роберт Суррай. Вы ко мне по делу или на чашку чая? Простите, что я один дома, и мой лакей не мог открыть вам парадное.

— Повидимому, это не привидение, — недовольно проворчал Хринт.

— Нет, сэр, — прохрипел тот, — я уже имел честь вам докладывать, что я — бывший антрепренер. После этого я был смазчиком, приказчиком и лодочником, но привидением еще не был.

— Какого же чорта вы делаете под мостом, — обиделся Райд, — и еще поете?

— В правилах высшего света, джентльмены, нигде не сказано, что ночью под мостом надо сидеть молча. Это раз. Что я делаю здесь? Сажу и дожидаясь, когда правительство его величества так наладит отечественные финансы, что театральные антрепренеры не будут жить под мостами. Это два. Имеете еще вопросы? Помните мудрое правило: если вы пришли к занятому человеку, — излагайте ваши претензии и уходите...

— Пойдем, — вздохнул редактор Д. Д. Хринт, — я боюсь что таких привидений мы с вами можем набрать днем в любой части города. Я, кажется, обещал вам десять шиллингов?

— Пять уже дали.

— И напрасно. Идите к чорту.

На следующий день хмурый и слегка простуженный редактор Д. Д. Хринт снова принимал посетителей в отделе «Привидений».

— Имеете в виду, — предупреждал он каждого, заходящего в кабинет, — если ваше привидение только хрипит и не показывается, оно не стоит и двух пенсов. Хороший бульдог может тоже хрипеть и не показываться и оставаться при этом обыкновенной собакой, а не нечистой силой.

Посетители вяло рассказывали о своих наблюдениях, торговали ночными стопами, саванами из-за деревьев, гробовыми крышками и другими подержанными мелочами.

И, как вчера, только к концу дня один из посетителей сразу привлек внимание Д. Д. Хринта. Это был старый швейцар, от которого на два метра пахло пылью и чаевыми.

— Я — швейцар лорда Брамслея, — деловито начал он, делая жест как будто бы останавливает лифт. — Лорд Брамслей ведет свое происхождение от викингов и в настоящее время уехал на Антильские острова изучать расцветку акульных плавников в дни новолуния. Наш особняк пуст, как наволочка без подушки. Даже дрессированная змея Биби проглотила недавно солонку и умерла от тоски по своему хозяину. И тем не менее, каждую ночь в верхнем этаже я слышу чьи-то шаги.

— Может, это змея ходит? — рассеянно переспросил Д. Д. Хринт.

— Я вам уже докладывал, сэр, что она сдохла. Это ходит привидение. Если вы захватите с собой сегодня браунинг...

— И десять шиллингов для вас. Хорошо. Я согласен. Сегодня в двенадцать ночи буду. Задаток? Не даем. Получите при предъявлении привидения.

— Ну и тугой нам попался дед! В кого он только уродился?!

В половине первого ночи редактор Д. Д. Хринт, в сопровождении швейцара, мягко ступал по дорогим коврам на лестнице роскошного особняка виконта Брамслея.

Во втором этаже слышались чьи-то тяжелые шаги.

— Оно? — порывисто дыша спросил Д. Д. Хринт.

— Оно-с, — сокрушенно подтвердил швейцар, — типичные простонародные шаги. В роду лорда Брамслея никто так невоспитанно не шлепал пятками. Не иначе, как привидение младшего истопника.

— Войдем, — решительно заявил Д. Д. Хринт. — От имени моей газеты предлагаю вам войти первым. Я буду сзади воодушевлять вас и светить фонарем.

Когда дверь открылась, яркое пятно света упало на тощую фигуру молодого парня в серой кепке и пестрой фуфайке. Он поднялся с мягкого кресла и виновато почесал затылок.

— Привидение? — сердито спросил Д. Д. Хринт.

— Пока нет, сэр. Но боюсь, что если не пообедаю еще дней пять, вы окажетесь правы.

— Как вы сюда попали?

— Уезжая на Антильские острова, лорд Брамслей забыл прислать мне специальное приглашение, — добродушно ответил парень, — и мне пришлось воспользоваться шестым окошком слева.

— Что вы здесь делаете, любезный? — сердито заорал швейцар.

— Временно пользуюсь особняком лорда Брамслея, любезный. Хочу переждать в нем, когда освободятся места под мостами и на скамейках бульваров. Боюсь, что там уже все переполнено.

— Мы вас арестуем, — плаксиво прогудел швейцар. — Будете ночевать в полиции.

— Увы, — вздохнул парень, — этот вид ночлега уже отменен. Полицейских участков слишком мало для того, чтобы вме-

стить всех желающих. Это единственная область в наше трудное время, где спрос превысил предложение.

— А вы не вор? — сухо спросил Д. Д. Хринт.

— Нет, сэр. Иначе бы я ночевал в собственном особняке, а не в чужом.

— Прощайте, — кинул редактор швейцару, — попробуйте дать вашему привидению холодной баранины и не приходите больше в редакцию. Вас выкинут еще со второго этажа, хотя я принимаю в пятом.

На следующий день редактор Д. Д. Хринт не принимал посетителей. Начал он прием только через два дня. В приемной уже толпилось много народа. Д. Д. сам выбрал какого-то сизого старичка с перевязанным ухом и позвал его в кабинет.

— Говорите короче. Видели?

— Видел, сэр.

— Где?

— На крыше, сэр.

— Что оно делало?

— Шлялось и ругалось, сэр.

— Что оно говорило?

— Привидение? Очень хорошо помню, сэр, — и старичок перекрестился, — оно говорило, сэр: «Хоть бы кого-нибудь встретить». Могу я получить мои 10 шиллингов шесть пенсов?

— Нет, — сердито ответил редактор Д. Д. Хринт. — Это был я. За себя я не плачу.

— А зачем вы полезли на крышу? — спросил старичок.

— За привидениями, — тяжело вздохнув, ответил Д. Д. Хринт. — Уже четыре дня в моем отделе нет ни одной строчки. Боюсь, что вместо меня завтра будет сидеть другой редактор. А вы знаете, как неприятно лишиться места в старом, богатом Лондоне...

Арк. БУХОВ

50
ИЗДАНИЕ
22 ФЕВ 1935
Рис. М. Храпковского

— Какой образованный народ в Германии: простой чистильщик сапог, а занимается высшей математикой.
— Что вы! Наоборот: это — математик, а занимается сейчас чисткой сапог.